

Моск. правда. - 2002 - 8 февр. - с. 4

Гора Кармель и марва иерусалимская

На днях на сцене Еврейского театра «Шалом» состоялся спектакль «Лэхаим всем, и кое-что еще», необычный тем, что он весь песенный, хотя концертом его не назовешь. Это действительно спектакль, со своей внутренней музыкальной драматургией, с меняющимися образами исполнительниц - дуэта «Кармель» Ирины Климовой и Татьяны Карасик, с комментариями сидящего в первом ряду партера «Разговорчивого зрителя» (Феликс Витковский). И невольно вспомнилось...

Под занавес сезона 1968-1969 гг. в Москву на гастроли приехал из Польской народной республики варшавский театр «Класычны». Он привез только один спектакль - музыкальное представление Леха Будрецкого и Иренеуша Каницкого «Сегодня я не могу к тебе прийти». Спектакль состоял из песен военных лет, превращенных в маленькие драматические сценки. Песня не просто звучала - она становилась зримой, объемной, она игралась согласно всем законам драматической сцены. Творческая фантазия постановщиков спектакля родила новый, оригинальный жанр «зримой песни», до того на театральных подмостках не практикуемый. Это был фурор. Зал Малого театра, где играл «Класычны», был не в состоянии вместить всех желающих увидеть необыкновенный спектакль. Варшавяне покинули Москву триумфаторами.

Идею не замедлил подхватить Георгий Александрович Товстоногов. Свой спектакль он так и назвал - «Зримая песня». Однако жанр оказался не таким уж простым и легким. Последователей нашлись единицы, да и то не всем это в полной мере удалось осуществить.

В конце 80-х Олег Кудряшов, замечательный режиссер и педагог, создал при Союзе композиторов РСФСР театр-студию песни «Третье направление» и в феврале 88-го показал премьеру «Когда я вернусь» по песням Александра Галича, очень тонкий по атмосфере лирико-драматический песенный спектакль. В сезон 1990-1991 гг. Михаил Глуз, возглавлявший шоу-театр «Тум-балалайка», в весьма красочном, динамичном представлении «Ша-штил» использовал элементы жанра «зримой песни», но как бы намеком, оставаясь в рамках концертного исполнения. Казалось, ниточка оборвалась... И вдруг спектакль в «Шаломе». Захотелось поближе познакомиться с исполнительницами, узнать, как родилась идея их спектакля.

Традиционный вопрос: с чего все началось? Как родился дуэт Ирины Климовой и Татьяны Карасик, как долго они работают вместе?

- Мы познакомились в Гнесинском училище, - рассказывает Ира. - Поступили в один год, на курс актеров музыкального театра. Обе пели с детства. И попали к удивительному педагогу Олегу Львовичу Кудряшову. Гнесинка обязана ему новым веянием: он привнес в академические

стены мюзикл. И на диплом у нас был мюзикл «Целуй меня, Кэт!». Мы с Таней в нем были заняты. А как раз в это время Юрий Борисович Шерлинг организовал Камерный еврейский музыкальный театр и Таня начала там работать, еще не закончив училища. Пришел Шерлинг на наш диплом, посмотрел и по окончании говорит Тане: «Надо, чтобы эта рыжая была в нашем театре». Это про меня.

А я уже в нескольких театрах прослушалась, получила приглашение в Московскую оперетту. Что было делать? Выбрала Шерлинга, потому что атмосфера в его театре была близка нашей, гнесинской, студийной. Только долго не говорила о своем решении педагогам. Сказала, где работаю, уже по прошествии времени. В спектакле «Давайте все вместе» у нас с Таней был первый профессиональный дуэт. С него все и пошло.

- А как же язык? Вы же пели на идиш.

- У нас были уроки, как в школе, каждый день. Идиш похож на немецкий, он очень помогает мне за рубежом. А потом так случилось, что Шерлинга сняли с руководства театром, и целая группа актеров, восемь человек, мы в том числе, ушли из Камерного. Организовали во главе с Михаилом Семеновичем Глузом коллектив «Тум-балалайка», с которым объездили весь мир. «Тум-балалайка» свела нас с Александром Левенбуком, художественным руководителем «Шалом», и Визмой Витолс, балетмейстером театра. Они участвовали в постановках нашего коллектива. Постепенно мы с Таней стали делать собственный репертуар и ре-

шили, что будем работать самостоятельно. Первое время было очень трудно: у нас ни спонсоров, ни продюсеров. Участвовали в сборных концертах. Понимая, что надо сделать что-то серьезное, значительное, мы пришли к Левенбуку и Визме, показали уже наработанное, и они взяли нас помочь.

- Вы были приняты в труппу «Шалом»!

- Нет, мы остались сами по себе. Левенбук предоставил нам сцену для репетиций, Визма отработывала пластику, танец, помогала выявить драматургию каждой песни. У нее потрясающая фантазия и очень тонкий вкус. Она выстроила нам весь спектакль.

- Вот теперь я понимаю, откуда

мое ощущение «зримой песни» на вашем спектакле. У вас педагогом был Олег Кудряшов, вы работали в «Тум-балалайке» Михаила Глуза... У вашего спектакля крепкие живые корни, питающие добрые всходы.

- Мы никогда не употребляли этого термина - «зримая песня», но именно к тому, чтобы песня стала спектаклем, мы и стремились. И раз вы, как зритель, это увидели, значит, мы достигли определенного результата.

Спектакль Иры и Тани необыкновенно красив, изысканно красив, хотя ни к каким особым эффектам не прибегает. Только легко трансформирующиеся костюмы, дополненные то пышными венками на головах исполнительниц, то вдруг вырастающими у них за спиной высокими травами, то летящим белым полотнищем, подобным гигантским крыльям, на которых, кажется, вот-вот взлетят две белые легкие девичьи фигурки... А по самой середине сцены причудливое растение, весьма напоминающее ритуальный Семисвечник.

- Что это! - спрашиваю Иру.

- Мы долго искали некий лаконичный знак, символ, способный зримо выразить суть, идею нашего спектак-

ля, но так и не могли ничего придумать. А когда я была в Израиле, я попросила друзей помочь нам. Они показали мне уникальный кустарник, совершенно плоский, имеющий форму Семисвечника. Он именуется «Марва Иерусалимская» и растет только там, в Иерусалиме. Нигде в мире вы его больше не найдете. Поначалу мы по нему даже назвали свой спектакль «Свечи в цветах», но потом решили, что «Лэхаим всем, и кое-что еще» - веселее. «Лэхаим» - приветствие, пожелание, тост - «За жизнь!». Песней «Лэхаим» мы заканчиваем первую часть нашего представления.

Спектакль Иры и Тани своего рода антология еврейской песни: старинные народные, авторские, современные, веселые и грустные, лирические и бравурные. В них - целая галерея женских образов, со своими мыслями, чувствами, отношением к жизни.

- Помнится, в 60-е годы у нас в моде были записи песен сестер Бери. Мне кажется, они прямо просятся в ваши «зримые песни».

- Мы уже думали об этом: сделать целый спектакль на тему жизни и творчества сестер Бери. Но, как оказалось, о них нигде нет никакой информации, включая Интернет. В живых осталась одна сестра, но ни на какие контакты она не идет и запрещает кому бы то ни было касаться их судьбы. Как нам рассказывали в Штатах, она даже затеяла судебный процесс против какой-то компании, поставившей о них спектакль. Поэтому пока мы отложили эту идею. Будем продолжать работу над новым спектаклем с элементами речи. Придется учиться заново говорить на сцене. Мы это делали лишь в училище, а потом, в театрах, только пели.

- Будут ли у вас в ближайшее время выступления в Москве?

- Пока не планируются. Недавно с «Шаломом» ездили на гастроли в Германию; большая, месячная поездка была по городам Сибири с залетом в Биробиджан на Дни еврейской культуры. Сейчас едем в Петрозаводск. В апреле летим в Америку. А в «Шаломе» мы выступаем, когда наши возможности совпадают с репертуарным раскладом театра. Мы всегда рады выступать на его сцене.

- А откуда пришло ваше название «Дуэт «Кармель»?

- Есть в Израиле священная гора Кармель. Красивее местности я не знаю. Там удивительный воздух, совершенно не чувствуется изнуряющей жары, много зелени, особый микроклимат. Также достопримечательность страны, как марва иерусалимская. Еще один штрих к нашим «зримым песням».

Наталия БАЛАШОВА.

На снимке: фрагмент спектакля.

Наталия Балашова

8.2.02